

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.8>

Меркушов Станислав Фёдорович

ЭРОТОЛОГИЯ, ТАНАТОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА АБСУРДА В СТИХАХ Ю. В. МАМЛЕЕВА

В статье рассматривается книга стихов Ю. В. Мамлеева "Невиданная быль". Являя собой предвестие глобальной трансформации мироздания, анализируемые стихотворные тексты несут в себе ощущение глубинной связи всех элементов бытия с Абсолютом, Истиной. В атмосфере хаоса, абсурда и апокалиптичности, отражающих обратную, темную суть субъекта и окружающего, в этих стихах актуализируется эсхатологический аспект, характерный для русской классической литературы и связанный с верой в спасительные трансцендентные силы, заложенные в самой природе российского сознания и духа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 40-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Анташкевич Е. М. Харбин: роман. М.: Центрполиграф, 2012. 783 с.
4. Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Начало пути: стратегии поэтического самоопределения в ранней лирике О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 90-97.
5. Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Традиции символизма в цветописии М. Визи // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 75-82.
6. Барякина Э. В. Белый Шанхай [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html> (дата обращения 04.05.2019).
7. Кондаков Б. В., Красноярова А. А. «Китайский текст» русской литературы (к постановке вопроса) // Казанская наука. 2018. № 10. С. 44-48.
8. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. 391 с.
9. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php> (дата обращения: 19.06.2019).
10. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. 621 с.
11. Эльвира Барякина: Американская мечта [Электронный ресурс] // Интервью. Люди и события. URL: <http://interviewmg.ru/944/> (дата обращения: 19.06.2019).

**HARBIN AND SHANGHAI IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 2000-2010S
(THE NOVELS “WHITE SHANGHAI” BY E. BARYAKINA AND “HARBIN” BY E. ANTASHKEVICH)**

Krasnoyarova Anna Aleksandrovna
Nanchang University, The People's Republic of China
annapopkova1909@gmail.com

Popkova Tat'yana Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Shandong Women's University, Jinan, The People's Republic of China
tatyana3@mail.ru

Modern literary criticism focuses on studying different types of “thematic texts”, among which particular attention is paid to the “Chinese text”. The article examines artistic space (“artistic world”), the collective image of the Russian emigrants in China in the 1920-1930s described in the novels “White Shanghai” by E. Baryakina and “Harbin” by E. Antashkevich. Such an approach allows actualizing the literary text in the context of “cultural images” providing a reliable description of historical events in Russia and China at the beginning of the XX century.

Key words and phrases: Russian emigration; Russian émigré community; “Chinese text”; Harbin; Shanghai; E. V. Baryakina; novel “White Shanghai”; E. M. Antashkevich; novel “Harbin”.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 09.09.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.8>

В статье рассматривается книга стихов Ю. В. Мамлеева «Невиданная быль». Являя собой предвестие глобальной трансформации мироздания, анализируемые стихотворные тексты несут в себе ощущение глубинной связи всех элементов бытия с Абсолютом, Истиной. В атмосфере хаоса, абсурда и апокалиптичности, отражающих обратную, темную суть субъекта и окружающего, в этих стихах актуализируется эсхатологический аспект, характерный для русской классической литературы и связанный с верой в спасительные трансцендентные силы, заложенные в самой природе российского сознания и духа.

Ключевые слова и фразы: Ю. В. Мамлеев; эрос; танатос; «Невиданная быль»; поэзия; абсурд.

Меркушов Станислав Фёдорович, к. филол. н.
Тверской государственный университет
stas2305@gmail.com

ЭРОТОЛОГИЯ, ТАНАТОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА АБСУРДА В СТИХАХ Ю. В. МАМЛЕЕВА

Ю. В. Мамлеев выразил свое понимание онтологии мироздания в трех обширных мировоззренческих концепциях, представленных в философских трудах «Судьба бытия» (в частности в последней его главе – «Последней доктрине») [4] и «Россия вечная» [3] и, собственно, в своем художественном творчестве. Известный как прозаик, в своей последней художественной книге «Невиданная быль» (2014) [2], состоящей в основном из поэтических произведений, Ю. В. Мамлеев отстаивает идею единства стихов и прозы, их синтетического взаимодействия. В соответствии с авторским замыслом стихотворения книги существуют не автономно, а как созданные персонажами прозаических текстов, предпосланных стихам и написанных Ю. В. Мамлеевым в разные творческие периоды. Большинство поэтических текстов публиковались впервые, но собранные вместе с непозитическими в искомой книге, они бытуют в совокупности как целостная законченная художественная структура.

Цель нашей статьи – в историко-литературном осмыслении книги стихов Ю. В. Мамлеева в первую очередь с точки зрения функционирования в них эрото-танатологического мотивного комплекса в его связи с метафизикой абсурда, характерной для творчества писателя в целом. В том числе в процессе анализа стихов решаются такие **задачи**, как рассмотрение философских трудов и отдельных прозаических художественных произведений Ю. В. Мамлеева как претекстов к анализируемым и определение важной для творчества писателя внутренней его соотнесенности с эсхатологическими тенденциями русской классики.

Актуальность предпринимаемой работы обосновывается масштабностью присутствия, выраженности и значимости категории абсурда в творчестве Ю. В. Мамлеева, а также необходимостью уточнения спорных моментов, связанных с ее функциональностью именно в характерной для текстов писателя метафизической ипостаси. **Научная новизна** заключается прежде всего в необходимости восполнения пробелов в исследовательской практике, поскольку стихи Ю. В. Мамлеева специально еще не изучались (если не считать обзорного предисловия к искомой книге Т. Решетова [7]).

В книге пять частей, стихи каждой из которых объединены общим героем-автором или общей тематикой. Сами стихотворные циклы каждой части, несмотря на явные различия, всё же связаны между собой актуальной для Ю. В. Мамлеева проблематикой, отображенной в его философских работах. Она рассматривается сквозь призму синтетического взаимодействия Эроса и Танатоса, характерного для прозы писателя и проявляющегося в его поэзии. Следует обозначить диапазон нашего понимания этого взаимодействия. Мотив магического слияния Эроса и Танатоса, реализуемый в творчестве Ю. В. Мамлеева, в данном случае – в поэзии, трактуется нами в широком смысле. Прежде всего Эрос воспринимается нами в большей степени как персонафикация сил жизни, нежели плотской любви и сексуальности, как он определяется, к примеру, у З. Фрейда («По ту сторону принципа удовольствия» [10]). Соответственно, указанный мотив истолковывается как аллегория взаимоотношений феноменов жизни и смерти. Экзистенциальный переход от Эроса к Танатосу и наоборот не представляется процессом, стремящимся к своему финалу, но постоянно пребывающим в состоянии незавершенности. Одним словом, природа того и другого обладает внутренним единством, одно без другого не существует, силы жизни и смерти взаимодополняемы и синкретичны. В таком же русле, на наш взгляд, оцениваются Эрос и Танатос в мамлеевском творчестве, с помощью художественной репрезентации которых автор транслирует идеи «России вечной» и «Судеб бытия», ставших квинтэссенцией его жизненного и творческого пути. Эти идеи объективируются не только в третьей части «Невиданной были», хотя в ней они наиболее эксплицированы, но и во всех остальных, причем посредством использования доминирующего в творчестве Ю. В. Мамлеева приема гротеска, обуславливающего соотнесение его произведений с литературой абсурда [6, с. 4], добавим, в искомой книге в особенности – в его метафизике.

Первая часть книги открывается ранее не выпускавшимся рассказом «Праздник», после которого следуют стихи, по сюжету обнаруженные в тетради одного из персонажей. В них, по мысли Т. Решетова, выведены «крайне любопытные своей тотальной запредельностью образы иного бытия, можно даже сказать – антибытия» [7, с. 12]. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Категория «Антибытия» в философии противостоит категории «Реального бытия» как нечто хаотичное, но также упорядоченное и создаваемое творческим сознанием, однако противодействующее творческим усилиям. «Реальное бытие» как бытие гармоничное и «Антибытие» существуют в творческом сознании автора наравне, ср. понимание Ю. В. Мамлеевым специфики своего литературного направления: «Реализм предполагает изображение действительности. Но! “Реальность” – это такое широкое понятийное поле! Одно дело натуральный реализм, в котором выражается буквально все, – “сидим, едим, разговариваем” и т.д. А “метафизический реализм” предполагает соединение реализма не с фантастикой, а с наличием метафизических знаний или с прозрением, с визионерством» [Цит. по: 5]. Творчество Ю. В. Мамлеева, на наш взгляд, представляет собой синтетический сплав разнообразных литературных методов и приемов, а также мотивов и метафизических категорий, при этом невозможно и неправильно было бы рассматривать какие-либо из названных групп в противопоставлении.

В поэтическом цикле первой части особенно эксплицирован мотив «симбиоза» Эроса и Танатоса, интенсифицируемый в стихотворении «Всюду тьма как в бездонной берлоге...», наиболее репрезентативные отрывки которого приведем целиком.

«И пронзительный вой из утробы
Перейдет вдруг в немыслимый свет,
<...>
И влекомый немыслимым светом,
Превращаясь в танцующий дух,
Я забуду, что был я поэтом
И мой труп от мучений распух.

Равносильный и Мраку, и Свету...» [2, с. 70].

Видим настойчивое связывание воедино семантических полей коррелятов обозначенного мотива, выраженное во взаимных трансформациях, стремлении к равнозначности и, наконец, в проецировании их идентичности на лирического героя. В ряде других стихов этого сегмента книги обнаруживаем ту же тенденцию к эквивалентности: типичный мамлеевский герой – «мрачен, безумен и сир» – роет ход к Солнцу, ощущая свое бессмертие, несмотря на метафизическое внутреннее сосуществование с «неживым идиотом» («Я – угрюмый тяжелый работник» [Там же, с. 51]); пытаюсь вспомнить свои прошлые жизни, герой зрит одновременно свой «труп полусиний / И младенца живого – себя!» («Хе-хе-хе, я не умер в тот вечер...») (здесь

весьма явственно прослеживается дихотомия не только жизни и смерти, но рождения и увядания, фиксируемая также через композиционное кольцо – «Спи, младенец... Ты умер давно... Баю-бай!» [Там же, с. 56]; герой, пребывая «во сне бытия», видит слияние Эроса и Танатоса («Но сегодня приснился мне труп в озарении славы, / И в короне его ликовала живая змея» [Там же, с. 59]) и осознает вселенскую необходимость их неразрывности (здесь появляется образ недотыкомки Ф. К. Сологуба: «Видно, слава бродила в туманных преддвериях ада / И могла осенять недотыкомку, призрак и страх» [Там же]).

Всё в итоге движется к обобщенному восприятию взаимопроникновения макрокосма и микрокосма, в соответствии с «Последней доктриной» «Судеб бытия» [4], базирующейся на философии адвайта-веданты с ее пониманием особого мироустройства, связанного с присутствием частиц Абсолюта в каждом элементе Творения, но и с обязательным наличием неких отрицательно заряженных пластов бытия: «Мир становится призраком ада, / Но взамен – вижу блеск Бытия! / Всё погибло и всё существует! / Слышу вой на далекой Луне, / Моё сердце, как море, ликует, / И я знаю, что Бездна – во мне!» [2, с. 65]. Потому в завершающем эту часть книги стихотворении «На границе сна и мироздания...» предлагается резюмирующая констатация того, что в конце миров каждый познает истину: «Мир исчезнет... Был он или не был? / Но из уст Кого-не-знал-никто / Потечет Невиданная Небыль, / И узнает каждый, кто есть кто» [Там же, с. 79].

Вторая часть книги связана с образом Александра Трепетова – героя романа Ю. В. Мамлеева «Московский гамбит» (перед стихами помещена первая глава произведения), концентрирующего в себе все духовные искания посетителей салона на Южинском переулке (он же «мамлеевский кружок» – неофициальное литературное и мистическое собрание интеллектуалов и творческих людей Москвы). В стихах этого раздела книги, по справедливой мысли Т. Решетова, отразились темы, обсуждавшиеся на встречах в Южинском клубе: «Напряженный внутренний поиск, неудержимая тяга к запредельному, попытка вырваться из жестоких тисков реальности, достичь истинной свободы и осуществить метафизическую самореализацию» [7, с. 16-17]. Несмотря на отдельные формальные отличия от текстов первой части (к примеру, здесь увеличился процент емких и афористичных однострофных стихов) и расширенный тематический спектр, танатологическая предметность в них сохраняется. В стихотворении «У меня был единственный друг...» развивается мотив слияния Эроса и Танатоса: повесившийся друг воспринимается лирическим субъектом как живой («Всё я думал, ведь он живой...» [2, с. 109]) в силу его веры в метемпсихоз («Видно, он обернулся в мышь...» [Там же]), что впоследствии неординарно подтверждается в тексте – труп друга магически преобразуется («Через день пошел я туда / Огневой у трупа покров, / А вверху голубая звезда / Принимает души богов» [Там же]). Важнейший содержательный аспект этого и других стихов цикла – духовные метаморфозы субъекта происходят в результате влияния на него многообразных магических факторов, из которых и состоит человеческая жизнь в ее правильном восприятии, т.е. вследствие верного понимания им происходящего вокруг и осуществления правильных действий («Я поймаю ее [мышь] на заре, / Принесу в коробке домой, / Буду видеть ее во сне, / Разговаривать с ней, родной» [Там же]) (ср.: «Тихий, задумчивый мальчик...» [Там же, с. 119], «Дико трубит слоненок...» [Там же, с. 122], «Забудем, что мы живы...» [Там же, с. 123], «Дикий хохот потока сознания...» [Там же, с. 126]).

«Еще Бердяев сказал, что русская душа парадоксальна. И действительно, у нас очень сильная тяга к запредельности. И хаос присутствует. Тут такое сочетание, что при тяге к хаосу абсолютно необходим порядок, иначе распад» [Цит. по: 5], – в этих словах Ю. В. Мамлеева – ключ к пониманию своеобразия текстов четвертой и пятой частей «Невиданной были». Они предваряются двумя старыми рассказами писателя: четвертая – «Утопи мою голову», пятая – «Человек с лошадиным бегом». Стихи, приписываемые первому субъекту – герою первого рассказа, – представляют собой его мировосприятие, именно парадоксальное с некоторым стремлением к трансцендентному, но и с различными внутренними противоречиями. Однако оно в итоге мало-помалу принимает вид всеобщий, когда становится очевидным присутствие в осязаемом мире и воздействие на него мира потустороннего, что подтверждает пребывание первого на стыке «Бездны и Абсолюта» (весьма нагляден в этом отношении абсурдно-сюрреалистический текст «Золотится арбуз...» [2, с. 233]). Это обуславливает наличие в данной ситуации определенных слоев высшего и низшего порядка. Ко вторым слоям принадлежит «Человек с лошадиным бегом», до конца не осознающий этой причастности, хотя и ожидающий «небесных, доверчивых уток, / Прилетевших от Господа к нам» [Там же, с. 250]. Этому персонажу сопутствует зооморфная метафора хохота, частотная во многих стихах «Невиданной были» и коррелирующая с рецепцией хаотического неведомого темного пространства («Хохотнули мы в вечность с размаху...» [Там же, с. 258], «Хохотушкин, нелепый и жуткий...» [Там же, с. 260], «Дикий ветер хохочет над миром...» [Там же, с. 265], «Посмеемся над черепом милым...» [Там же, с. 254], «Над сиреновой рекой...» [Там же, с. 251], «Хохотун я и томный ублюдок...» [Там же, с. 250]). Тем не менее при всех своих отрицательных коннотациях (тупость, жадность, самодовольство, внутренняя пустота и т.п.) «Человек с лошадиным бегом» не лишен надежды на перемену видимых декораций: «Этот мир бесконечно безумен, / Но когда-нибудь, братцы, и он / Станет добрым, спокойным и мудрым, словно старый индийский слон» [Там же, с. 254].

Мамлеевское видение всеобщих метафизических процессов распространялось на рецепцию пути России, в частности, ее роли в функционировании Мироздания. Ю. В. Мамлеев исследует «Россию вечную», по верному замечанию Т. Решетова, в «космическом ракурсе» [8], в ее космологической ипостаси. Писатель подразумевает под этим, что Россия – «это метафизическая реальность, которая выходит за рамки этого мира и, следовательно, исторического процесса как такового» [2, с. 153]. В третьей части «Невиданной были», в заключении эссе «Метафизический образ России» и стихах, воплотилось осознание России, с одной стороны,

как конкретного государства со своей историей и культурой, с другой стороны, как локуса в метафизическом смысле. Это некая Россия духа, которая существует, несмотря на абсурдность всего остального «цивилизованного» мира. «Наша цивилизация основана на лжи о человеке, – считает Ю. В. Мамлеев. – Якобы человек – лишь рациональная обезьяна, и никакого будущего после смерти у него нет. Это материалистическая цивилизация, в которой важны нажива, социальный дарвинизм и пропаганда животного происхождения человека. Все это мировоззрение рухнет как картонный домик в ближайшие 100-200 лет» [Цит. по: 5]. Такой оптимизм вселяет в писателя именно глубокая вера в высшее предназначение России и русского народа, русского человека, о котором, напоминает Ю. В. Мамлеев, Ф. М. Достоевский говорил как о «всечеловеке». Наиболее показательным в этом отношении следующее стихотворение:

«Россия будет! Сквозь вечный холод,
Сквозь вой отрицающих Бога в себе,
Сквозь огненно-адский, кошмарный хохот
Она прорвется к своей Глубине.

И всё бездонное станет Россией,
В бездонность войдет ее тайный смысл.
...А где-то останутся души глухие
И обреченная мертвая мысль» [2, с. 170].

Эти две строфы последовательно модулируют суть мамлеевской концепции России вечной. Провозглашается ее сверхценностный императив через неприятие отрицательной мотивации «других», выраженной в самодовольном неведении и глуме (лексически коннотируется с помощью акустико-тактильных значений («вой», «хохот», «холод», «огненно-адский»)), и утверждается непреходящая иерархия, где Глубина и все бездонное связываются объективно с российской космологией, равной жизни, а безнадежные оставшиеся обрекаются на духовную и интеллектуальную глухоту, равную смерти (фоника «заглушается» вплоть до мыслительной и смысловой «немоты»). Укажем также на заявленную здесь и характерную для всех стихов данной части идею невозможности понять разумом, рациональными способами великую тайну России вечной («в бездонность войдет ее тайный смысл», «Но душа твоя, тайной палимая...», «Неведомо нам... запредельно-родное», «И кто коснулся этой тайны...», «Россия тайными уклонами», «Россия, объятая мраком / таинственной жизни земной», «Чтоб познать ее тайны глухие...» [Там же, с. 163-171]). Она доступна посвященным, способным «просто верить», ибо истина не нуждается в аргументации (помимо очевидной ассоциации с Ф. И. Тютчевым здесь определенно нужно тертуллиановское “Credo quia absurdum”).

Таким образом, первейшее устремление человечества, по мысли Ю. В. Мамлеева, должно быть устремлением к сохранению культуры, что достигается лишь «в примате духовного начала, которое вечно, в то время как всё остальное в человеческой истории временно» [Там же, с. 161].

Постоянное ощущение заката, финала эпохи также явственно проступает во всех поэтических текстах «Невиданной были», и в этом родство Ю. В. Мамлеева с русскими писателями и духовидцами. Следует привести знаковое высказывание Н. А. Бердяева о Д. С. Мережковском, в котором, в свою очередь, верно определяется специфика творчества Ю. В. Мамлеева в данном разрезе, тем более что родство его с символистами всегда очень чувствуется: «Апокалиптическая настроенность... устремленность к концу имеет симптоматическое значение и так характерна для русских религиозных исканий. Эта апокалиптическая настроенность свойственна величайшим проявлениям русского духа, от русских народных сект до великих русских писателей. Апокалиптические предчувствия нашей эпохи знаменуют мировой кризис, переход к новому космическому периоду. Все приходит к концу в старом мире, на всех линиях выявляется предельное и конечное. Незримо и катастрофически зреет новое сознание, новая жизнь, не выводимая эволюционно из жизни старой» [1, с. 69].

Читатель Ю. В. Мамлеева рано или поздно обнаруживает, что все умпостроения писателя типичны своей обращенностью в мир от *себя*, как от *нас*, от *всех*. В этом коренятся попытки модернизации философской метафизики и мечта о России вечной, объединяющей всех русских людей и считающих себя русскими. Отсюда и его остальные гипотезы.

Творчество Ю. В. Мамлеева, исследуемая книга в частности, давно приобрело статус уникального в сегодняшних обстоятельствах. Причина этого прежде всего в том, что оно несет в себе ощущение необходимости преобразований, причем на чрезвычайно высоком уровне, связанном с Абсолютом, Истиной. На фоне апокалиптичности, безысходности многих текстов Ю. В. Мамлеева, включая разобранные нами, актуализируется глубокая, глубинная вера в Спасение.

Список источников

1. Бердяев Н. Типы религиозной мысли в России. Париж: YMCA-Press, 1989. 714 с.
2. Мамлеев Ю. В. Невиданная быль. М.: Традиция, 2014. 272 с.
3. Мамлеев Ю. В. Россия вечная. М.: Традиция, 2017. 232 с.
4. Мамлеев Ю. В. Судьба бытия. За пределами индуизма и буддизма. М.: Эннеагон, 2006. 262 с.
5. Нечаев О. Ушел из жизни писатель, основатель философской доктрины «Вечная Россия» Юрий Мамлеев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011535.htm> (дата обращения: 29.08.2019).
6. Одесская М. Дом на краю бездны: возвращение Юрия Мамлеева // Литературная газета. 1992. № 52.

7. Решетов Т. Предисловие // Мамлеев Ю. В. Невиданная быль. М.: Традиция, 2014. С. 5-25.
8. Решетов Т. Россия Вечная в космическом ракурсе [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/rossiya_vechnaya_v_kosmicheskom_rakurse (дата обращения: 29.08.2019).
9. Романовская О. Е. Постмодернистская версия антигероя в рассказах Юрия Мамлеева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 23. С. 59-65.
10. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: ERGO, 2018. 148 с.

EROTOLOGY, THANATOLOGY AND METAPHYSICS OF ABSURDITY IN Y. V. MAMLEEV'S POETRY

Merkushov Stanislav Fedorovich, Ph. D. in Philology
Tver State University
stas2305@gmail.com

The article examines Y. V. Mamleev's collection of poetry "The True Story of the Unseen". Being a prophecy of global transformation of the universe, the analysed poetical texts are penetrated with a feeling of deeper unity of all the elements of existence with the Absolute, the Truth. In the atmosphere of chaos, absurdity and apocalyptic character representing the inverse, dark side of a subject and the surrounding world, the poet actualizes the eschatological aspect typical of the Russian classical literature and associated with belief into salutary transcendental forces inherent in the Russian consciousness and spirit.

Key words and phrases: Y. V. Mamleev; eros; thanatos; "The True Story of the Unseen"; poetry; absurd.

УДК 8.82.09

Дата поступления рукописи: 03.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.9>

Цель статьи – показать тесную связь классического произведения русской литературы – романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» – с повестью Аркадия Гайдара о герое-подростке 1930-х годов. Принадлежность обоих произведений к жанру романа воспитания, сходство жизненных перипетий Сергея Щербачёва и Петра Гринёва позволяют это сделать. В статье анализируются мотивы и проблемы, сближающие произведения Пушкина и Гайдара: родительский наказ и сыновья верность ему, проблема выбора жизненного пути, мотив искушения и его преодоления, мотив возвращения блудного сына и т.д. Эти и другие факторы демонстрируют преемственность гайдаровской прозы традициям русской литературы XIX века и вневременной характер провозглашаемых писателем XX века нравственных ценностей.

Ключевые слова и фразы: Аркадий Гайдар; Александр Пушкин; детская литература; повесть/роман воспитания; образ подростка; проблема выбора; архетип блудного сына; проблема социализации.

Октябрьская Ольга Святославовна, д. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
svyatolga@yandex.ru

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ А. П. ГАЙДАРА «СУДЬБА БАРАБАНЩИКА»

Традиции А. С. Пушкина достаточно сильны и актуальны практически для всей русской литературы как XIX века, так и века XX. Достаточно многовекторное наследие этого поэта, писателя, драматурга даёт импульс развитию творческого потенциала его последователей. Так, А. Ахматова, М. Цветаева, С. Есенин и другие продолжили развитие поэтических открытий Пушкина, И. Тургенев, А. Белый, М. Шолохов и другие осмыслили традиции пушкинской прозы, а Н. Гоголь, А. Чехов, М. Горький и многие другие идут по стопам драматургии Пушкина. Некоторые детские писатели тоже черпают вдохновение в пушкинском творчестве. К примеру, можно выявить пушкинские мотивы в повести известного детско-юношеского писателя первой половины XX века Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика». Об основных мотивах романа Пушкина «Капитанская дочка» писали многие. Однако рецепция их в произведениях писателей XX века изучена не до конца. Этим обусловлена **научная новизна** статьи, которая заключается в новом взгляде на хрестоматийное произведение Гайдара и на воплощение в нем пушкинских мотивов. **Актуальность** настоящей работы заключается в необходимости обновлённого взгляда на гайдаровскую прозу, которая остаётся важной составляющей нравственного воспитания современного подростка и продолжает лучшие традиции русской классической литературы. **Целью** статьи стало исследование пушкинских мотивов, реализовавшихся в его историческом романе «Капитанская дочка», в их влиянии на повесть Гайдара «Судьба барабанщика». В соответствии с этим основные **задачи** работы – выявить сходные архетипические образы, мотивы, структурные элементы, ценностные ориентиры в историческом романе Пушкина и повести о сложных испытаниях в судьбе советского подростка Гайдара.

Прежде всего необходимо отметить принадлежность обоих произведений к одному жанру – роману/повести воспитания, теория и история которого стала объектом осмысления многих исследователей русской литературы. Так, к изучению особенностей этого жанра и своеобразия его воплощения подходили многие ученые: М. М. Бахтин [1], А. В. Дialeктова [4], Е. А. Краснощёкова [6], В. В. Кожевников [5],